

УДК 821.161.1
DOI 10.25991/AE.2022.22.39.011

Е. О. Яцкив

Яцкив Екатерина Олеговна — магистр филологии,
специалист Центра русского языка и культуры имени А. Ф. Лосева,
Институт филологии Московского педагогического государственного университета
E-mail: katya.yatskiv@mail.ru

МОТИВ УНИЧТОЖЕННОГО ПИСЬМА В СТИХОТВОРЕНИЯХ Н. А. НЕКРАСОВА «ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА» И Ф. И. ТЮТЧЕВА «ОНА СИДЕЛА НА ПОЛУ...»: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье поставлена задача провести сопоставительный анализ стихотворения Н. А. Некрасова «Горящие письма» и стихотворения Ф. И. Тютчева «Она сидела на полу...» с точки зрения реализации в них мотива уничтоженного письма. Попутно автор статьи отмечает роль эпистолярного жанра в русской культуре, даёт анализ образов лирических героев и их возлюбленных и приходит к выводу: обращение к мотиву уничтоженного письма обоими поэтами обусловлено стремлением авторов передать особый этап в развитии отношений героев, ставший «точкой невозврата» для влюблённых.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, Ф. И. Тютчев, русская литература XIX в., русская поэзия XIX в., эпистолярный.

Yatskiv E. O.

THE MOTIVE OF DESTROYED LETTER IN THE POEMS OF N. NEKRASOV “BURNING LETTERS”
AND F. TYUTCHEV “SHE WAS SITTING ON THE FLOOR...”: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article aims at conducting a comparative analysis of the poem of N. Nekrasov “Burning letters” and of the poem of F. Tyutchev “She was sitting on the floor...” The most important part of this analysis is the motive of destroyed letter. Besides, the article’s author pays attention to the role of epistolary genre in Russian culture, conducts the analysis of lyrical heroes and their lovers and makes the conclusion: the authors use the motive of destroyed letter for transmission of special phase in the development of relationships, which became point of no return for lovers.

Keywords: Nicolas Nekrasov, Feodor Tyutchev, 19th cent Russian poetry, epistolary genre.

Произведения эпистолярного жанра — значимая часть русского культурного кода. Со времен Древней Руси люди отправляли письма, решая бытовые вопросы, делясь своими переживаниями и чувствами, мыслями и убеждениями. Со второй половины XVIII в. жанр письма становится особенно популярным, превращается в форму художественной словесности. Распространяется особый вид «дружеского письма» (Д. И. Фонвизин, М. Н. Муравьев). Письмо становится важным элементом сентиментальной культуры. В монографии «Сотворение Карамзина» Ю. М. Лотман уделяет особое внимание переписке своего героя с друзьями, точнее, с подругами, которых у писателя было немало. Ведение переписки являлось значимым элементом дружеского общения между людьми в то время, помогало выражать свои самые сокровенные мысли и чувства. Упоминание гендерной принадлежности друзей Карамзина здесь не случайно, так как именно женская эпистолярная культура активно развивалась в XVIII веке. А. В. Белова, автор статьи «Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII — первой половины XIX века», пишет: «...женская эпистолярная культура берет начало в традиции письменного общения, сформировавшейся в России в XVIII в. Укоренившись в быту как столичного, так и провинциального дворянства, частная переписка, наряду с выполнявшейся ею формальной функцией передачи информации, служила женщине незаме-

нимым средством самовыражения, несла в себе всю гамму чувств и настроений, свойственных различным представительницам «прекрасной половины» дворянского сословия» [1, с. 49]. В начале XIX века высочайшего мастерства в развитии эпистолярного жанра достигли А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский и другие.

Эпистолярная традиция действительно играла важную роль в культурной жизни дворян. Поэтому неслучайно зачастую переписка героев становится значимым сюжетным элементом многих художественных произведений классической литературы. Читатели помнят робкие, трогательные строки, вышедшие из-под неуверенного пера Татьяны Лариной; ошибки в письмах Наташи Ростовской, которая отдавала их на проверку маме перед отправкой князю Андрею; получение городничим письма с дружеским предупреждением — завязка комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»; из письма Родион Раскольников узнаёт о приближающейся свадьбе сестры с господином Лужиным, решившим взять жену из «униженных и оскорбленных», надеясь на пожизненную её благодарность... В письмах героев раскрываются особенности их внутреннего мира, акцентируются некоторые черты характера, письма становятся важной художественной деталью, часто определяющей развитие сюжета произведения.

Письма, безусловно, фигурируют и в лирических текстах. Причем в ряде стихотворений разных

эпох читатель обнаруживает мотив уничтоженного письма (А. С. Пушкин «Сожжённое письмо», И. В. Одоевцева «В лёгкой лодке на шумной реке...», Г. Я. Горбовский «Письмо» и др.). Мотив уничтоженного огнём письма находим в стихотворениях Н. А. Некрасова «Горящие письма» (1856, 1877) и Тютчева «Она сидела на полу...» (1858), в стихах которого, по мнению Некрасова, было столько «оригинальности, мысли и прелести изложения, столько, одним словом, “поэзии”», что сопоставлять его можно было разве что с Пушкиным [3, с. 204]. Талант же Тютчева Некрасов называет «самобытным, всегда грациозным, исполненным мысли и неподдельного чувства» [3, с. 205].

Стихотворение Некрасова «Горящие письма» было написано в 1856 г., а впоследствии, в 1877 г., отредактировано. Данное произведение входит в так называемый «панаевский цикл». Историю взаимоотношений молодого поэта Некрасова и жены писателя, литературного критика И. И. Панаева, хозяйки литературного салона и одной из самых блистательных женщин Петербурга А. Я. Панаевой назвать типичной нельзя. Будучи законной супругой Панаева, Авдотья Яковлевна на протяжении многих лет состояла в гражданском браке с Некрасовым, который очень долго добивался расположения возлюбленной. Это была по-настоящему роковая страсть, переросшая в длинную историю любви, о которой многое можно узнать из стихотворений, посвящённых Панаевой и образующих отдельный цикл.

Отношения между влюблёнными, как было сказано выше, неординарны не только из-за семейного положения Панаевой. Авдотья Яковлевна, будучи центром притяжения культурной элиты Петербурга, была женщиной яркой, интересной, сильной и независимой. Такой же свободной и сильной предстаёт перед нами лирическая героиня стихотворения «Горящие письма». В стихотворении описывается момент разрыва отношений, который тяжело переживается лирическим героем. Он искренне страдает, не понимая, что ждёт их впереди, каким будет исход назревшего конфликта. Героиня, кажется, переживает происходящее гораздо спокойнее, ведь даже письма — символ любви двух героев — она обещала писать «смеясь». Становится очевидным, что не мужчина диктует правила этой любовной игры, а она, женщина, что для середины XIX века было почти невероятным. Можно сказать, что к числу поэтических открытий Некрасова относится этот новый тип женского образа — образа сильной, независимой, свободолюбивой женщины.

Письма, являвшиеся залогом любви и сохранившие историю взаимоотношений двух героев, горят. Здесь важно обратить внимание на название стихотворения. С одной стороны, лирический герой наблюдает процесс горения в настоящем времени, то есть на его глазах «сгорает» его любовь. Он становится свидетелем разрушения собственной жизни. С другой стороны, такая процессуальность может означать и незавершённость истории. О допустимо-

сти подобного толкования свидетельствует синтаксис стихотворения, текст которого изобилует не только риторическими восклицаниями, но и многоточиями, выражающими недосказанность, сомнения лирического героя. Задаваясь вопросом «Уж не горит ли с ними [т. е. с письмами. — Е. Я.] и любовь, / Которая их сердцу диктовала?» [2, с. 200], лирический герой снова пытается понять, как же будут развиваться их отношения в дальнейшем, но никакого конкретного ответа он на свой вопрос дать не может.

Обращаясь к приёму антитезы, автор вновь подчёркивает некоторую «пограничность» в отношениях героев: *не напишешь — написать, ложь — правда, злоба — любовь, писала — сожгла*. Герой, очевидно, не знает, как охарактеризовать те чувства, которые сейчас существуют между ним и лирической героиней.

Обратим внимание на финал стихотворения, в третьей строфе которого наблюдается интересный перенос: горящие письма, созданные возлюбленной, превращаются в шаг, прожигающий ступени, по которым она уходит. Лирический герой называет этот шаг «безумным», имея в виду, безусловно, поступок героини. Но, возможно, это безумие обоих было неизбежным, ибо эта любовь могла быть роковой любовью, фаталистической, избежать которой было невозможно, равно как и невозможным в таком случае представляется избежать расставания, а следовательно, и разрушение этой роковой любви становится неминуемым. Здесь вспоминаются и любовные истории героев И. С. Тургенева, не сумевших спрятаться от шопенгауэровской мировой воли, и «Лиличка! Вместо письма» В. Маяковского («Дай хоть / последней нежностью выстелить / твой уходящий шаг»), и история любви самих Некрасова и Панаевой.

Не менее трагичной и, пожалуй, тоже роковой стала любовь Тютчева и Е. А. Денисьевой. Елена Александровна, будучи, как и дочери поэта Дарья и Екатерина, воспитанницей Смольного института, познакомилась с отцом своих подруг и влюбилась в него, впрочем, Тютчев также не остался равнодушным к Денисьевой. Между ней и мужчиной, годившимся ей в отцы (да ещё и женатым), завязался роман, который, безусловно, не мог быть принят обществом. От Денисьевой отвернулись не только знакомые и друзья, но даже семья. Трудно предположить, насколько тяжело переживала все происходящее юная, неискушенная душа...

Стихотворение «Она сидела на полу...» (1858), входящее в т. н. «денисьевский цикл», автобиографическое. Перед глазами читателя предстаёт возлюбленная лирического героя, сидящая на полу и перебирающая «грудю писем». При этом письма сравниваются здесь с остывшей золой, то есть с чем-то, что невозможно воскресить, вернуть к исходной форме, — они навсегда уничтожены огнём.

В данном стихотворении, как и в «Горящих письмах» Некрасова, используется приём антитезы.

На знакомые письма героиня глядит «чудно», то есть с удивлением, глядит как на что-то чужое, незнакомое. Возлюбленная лирического героя сидит на полу (низ), он же стоит («Стоял я молча в стороне...» [5, с. 89]) — позиция над ней. Это противопоставление «верха» и «низа» поддерживается удивительно поэтичным сравнением:

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела —
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело... [5, с. 89]

Такое положение героев характерно не только для физического пространства, но и для пространства психологического, в котором доминирующим лицом, на наш взгляд, становится лирический герой, а не его возлюбленная, то есть акценты расставлены противоположным некрасовскому стихотворению образом. Тютчевский герой лишь «готов пасть на колени», в то время как герой Некрасова «упал на колени», признал внутреннюю силу героини, её превосходство над собой. Однако это не отменяет огромного сострадания, которое испытывает лирический герой Тютчева:

И страшно-грустно стало мне,
Как от присущей милой тени... [5, с. 89]

Под милой тенью скрывается и сидящая на полу женщина, перебирающая обрывки былой жизни, и тень воспоминаний, посетившая в этот момент её, и прежняя героиня, только готовившаяся вступить в серьёзную, сложную жизнь.

Таким образом, письма, читаемые возлюбленной, становятся символом прошлой жизни героини:

И сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой —
И сколько горестных минут,
Любви и радости убитой... [5, с. 89]

В этом четверостишии вновь отражена идея уничтожения прошлого, выраженная через образ испепелённых писем.

Стихотворения Некрасова «Горящие письма» и Тютчева «Она сидела на полу...» изображают сложную любовную драму. Поэты размышляют о перипетиях жизненных, зачастую обусловленных перипетиями любовными, которые иногда заставляют человека отказаться от прошлого, забыть или выгнать его из памяти, и символом этого почти ритуального сожжения становится уничтожаемое (или как будто уничтоженное) огнём письмо, дым от которого, возносясь вверх, забирает с собой прошедшее...

Литература

1. Белова А. В. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII — первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура. Мат-лы V конференции, посвящ. теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербург. философское общество, 2001. С. 49–55.
2. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
3. Некрасов Н. А. Русские второстепенные поэты // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. IX т. М.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1950. С. 190–221.
4. Скотов Н. Н. Некрасов. М.: Мол. гвардия, 1994. 411 с.
5. Тютчев Ф. И. «Она сидела на полу...» // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. М.: ИЦ «Классика», 2003. Т. 2. Стихотворения, 1850–1873. С. 89.